Текст · 12 марта 2019, 08:25
Анна Козкина,

Уксус, записка, колодец. Самарский участковый обвиняется в доведении жены до самоубийства

Прошлой осенью в поселке Шентала в Самарской области нашли мертвой жену местного участкового. Ее тело обнаружили в колодце. Этой зимой полицейскому предъявили обвинение в доведении до самоубийства (часть 1 статьи 110 УК). Анна Козкина пытается понять, почему родственники, соседи и знакомые, которые годами наблюдали насилие в семье участкового, оказались бессильны предотвратить гибель женщины.

18 октября 2018 года тело 40-летней Гульназ Бадертдиновой нашли в колодце возле ее дома в поселке Шентала Самарской области. Неподалеку лежала записка, в которой женщина просила никого не винить в своей смерти. В феврале 2019-го семья погибшей узнала от следователя местного отдела Следственного комитета, что ее мужу, участковому Гакилю Бадертдинову, предъявили обвинение в доведении до самоубийства (часть 1 статьи 110 УК). Полицейскому грозит до шести лет колонии — при этом он остается на свободе.

«У меня отец ездит каждый день — видит машину его возле полицейского участка. Вот он сегодня (6 марта — МЗ) ездил — видел опять машину», — рассказывает брат Гульназ Ильнур Хуснуллин.

В управлении МВД по Самарской области «Медиазоне» сообщили, что Бадертдинова временно

отстранили от службы из-за уголовного преследования. В ведомстве не назвали дату отстранения участкового.

Муж-участковый, смерть в колодце и пауэрлифтер на кладбище. Два рассказа о домашнем насилии

Координатор правозащитной организации «Зона права» Булат Мухамеджанов, который консультирует родственников погибшей, говорит, что поводом для обвинения участковому стали выводы судебной психолого-психиатрической экспертизы. Специалисты заключили, что из-за унижений и побоев, которым подвергал ее муж, Гульназ долгое время находилась в психотравмирующей ситуации.

> «Нарастание негативного отношения со стороны мужа, скандалы, подозрения в изменах, оскорбления и угрозы, физическая агрессия являлись грубыми психотравмирующими факторами для Бадертдиновой Г.Ш <...> и обусловливали развитие

у Бадертдиновой Г.Ш. эмоционального напряжения, сопровождавшегося сниженным неустойчивым фоном настроения, чувством тревоги, страха, обиды», — сказано в исследовании.

По мнению экспертов, перед гибелью Гульназ была не в состоянии конструктивно разрешить конфликт с мужем, который продолжал ей угрожать. К таким выводам они пришли на основании показаний родителей Бадертдиновой, ее детей, коллег и переписки с мужем.

16 лет брака. Родственники

Гульназ Хуснуллина с отличием окончила юридический факультет и стала юрисконсультом в коммунальной службе Шенталинского района. За участкового Бадертдинова она вышла замуж в 2002 году, а спустя несколько месяцев у них родилась первая дочь. Родители Гульназ в то время переехали в Нижневартовск и редко виделись с дочерью.

«Первый раз он ударил ее по лицу, когда она еще была беременна, где-то в марте 2002 года. В последующем это только усугублялось, он мог на нее накричать или ударить за то, что она долго готовила или стирала, — рассказывала на следствии сестра погибшей Гулися Закиуллина. — Он очень ревнивый, постоянно заставлял Гульназ признаться ему, что она ему изменяла, хотя она была верная ему. Все это Гульназ мне рассказывала сама. Я говорила ей, чтобы она обратилась в полицию из-за его побоев, но Гульназ боялась, что Гакиля могут уволить с работы».

В 2007 году у супругов родилась вторая девочка. Примерно через год Гульназ рассказала сестре, что муж сильно избил ее, ударил ногой по лицу и разбил нос. По словам Гулиси, участковый тогда отвез жену в больницу в Самаре, чтобы знакомые в Шентале не узнали о случившемся.

Гульназ Бадертдинова с мужем. Фото предоставлено родственниками

«Я уже перестала к ней выходить». Соседи

Отец Гульназ Шавкат Хуснуллин вернулся в Шенталинский район в 2011 году. Тогда он впервые заметил, что ревнивый зять избивает его дочь.

«В суд или в полицию она никогда не обращалась <...> Были случаи, когда она звонила мне ночью и жаловалась, что Гакиль в пьяном виде выгонял дочь и детей из дома, также мне звонила внучка А., которая также говорила, что боится отца, что он бьет маму», — рассказывал Хуснуллин на допросе. Он пытался вмешаться в ситуацию, однако участковый не разрешал забрать детей, и Хуснуллину удавалось лишь на время увозить дочь к себе домой. Гульназ пыталась уйти от мужа, но каждый раз возвращалась.

Свидетелями конфликтов были и соседи Бадертдиновых. Так, Татьяна Трофимова с осени 2016 года регулярно наблюдала, как по ночам Гульназ одна или со старшей дочерью пряталась на улице после ссор с мужем.

«[Они] были на улице и стояли за трактором или тележкой около их двора, было видно, что они

прячутся, — говорила Трофимова. — Это было ночью, Гульназ с дочерью были босиком. После этого я стала замечать, что поздно вечером или ночью Гульназ, а иногда она и дети, могла выбежать из дома и находиться на улице. Я, когда видела это, выходила на улицу, хотела как-то помочь Гульназ, выносила ей одежду. Она же отказывалась от помощи, не хотела идти ко мне, боялась, плакала».

К лету 2018 года такие побеги стали повторяться чаще, Гульназ могла уходить из дома по несколько раз в неделю, но по-прежнему не принимала помощь соседей. «Летом 2018 года я уже перестала выходить к ней и предлагать помощь, так как она отказывалась от нее и пыталась меня не замечать», — объясняла следователю Трофимова.

Гульназ как минимум дважды обращалась к медикам с различными травмами. Согласно материалам дела, в 2013 году она посещала хирурга — тогда у нее диагностировали черепно-мозговую травму, сотрясение головного мозга, ушиб мягких тканей лица и височной области. На приеме она рассказала, что ее «толкнула на дверной косяк» и избила некая Антипова. Затем, в декабре 2016 года, женщина вновь посещала хирурга — на этот раз она рассказала, что упала, причем за месяц до приема. Гульназ жаловалась на боли в области левого плеча. У нее зафиксировали ушиб и растяжение левого плечевого сустава.

«Шлюхой, шалавой обзывал». Ревность

Причиной постоянных побоев была ревность участкового. По словам матери Гульназ, полицейский ревновал жену даже к родственникам. «Была следующая ситуация: Гакиль и Гульназ приехали к родственникам, среди которых был мужчина после перенесенного инсульта, у которого дергался глаз. При этом Гакиль мог ревновать к данному мужчине Гульназ и говорил, что он подмигивает Гульназ», — вспоминала мать погибшей Галия Хуснуллина. Дядя Гульназ Завдат Хуснуллин отмечал, что на семейных праздниках Гакиль запрещал жене танцевать с другими мужчинами. Однажды Хуснуллин стал свидетелем избиения; позже такую же сцену видел его сын.

«[Он] требовал от нее, чтобы она призналась ему в изменах. Как будто он был почти уверен в ее изменах, но ему не хватало ее признания. <...> Был случай, когда Гульназ кто-то позвонил на сотовый телефон с работы, какой-то мужчина. После этого Гакиль стал ее ругать, кричал, зачем ей звонят, и после этого побил ее», — рассказывала следователю Гусиля Хуснуллина, вспоминая, что из-за ревности мужа сестра боялась здороваться на улице со знакомыми.

Что супруги ссорились из-за ревности участкового, признавали и его родители. Однако случаи побоев они пытались оправдать неправильным поведением Гульназ — например, тем, что участковый застал жену курящей.

Летом 2018-го во время чемпионата мира по футболу Бадертдинова отправили в командировку в Самару.

Вернувшись, он стал еще агрессивнее, следует из рассказов близких Гульназ. Так, полицейский избил свою 16-летнюю дочь, которая заступилась за мать.

«В августе 2018 года Гакиль приехал домой пьяный, взял банковскую карту и сказал, что поедет в кафе. Пока его не было, Гульназ собрала вещи, детей и уехала в деревню к родителям. Потом родители нашли ей квартиру в Шентале», — вспоминала Гусиля.

На протяжении двух месяцев участковый писал жене сообщения с угрозами и требовал вернуться. Хотя родным Гульназ говорила, что стала чувствовать себя лучше и спокойнее, она просила мужа бросить пить, обещая вернуться к нему.

> В материалах дела приводятся смс-сообщения участкового Бадертдинова супруге, в которых он называет Гульназ «шалавой» и «шмарой».

В психолого-психиатрической экспертизе говорится, что переписка состоит из «непристойных высказываний в адрес Бадертдиновой Г.Ш. оскорбительного, унижающего честь и достоинство содержания, выраженные в нецензурной форме, а также неопределенные угрозы и обвинения в недостойном поведении». Так, в сентябре, после того, как Гульназ ушла от мужа, участковый угрожал ей проблемами на работе и писал: «От меня ничего хорошего не жди, я покажу тебе хорошую жизнь»; «А ты лечись быстрее, психичка, исход тоже летальный».

На одно из сообщений Гульназ ответила: «При всех своих родственниках меня шлюхой, шалавой обзывал. В прошлый раз, когда я вернулась, через сколько дней ты меня избил?».

«Я хочу вернуться к мужу». Развязка

Родные не помнят, чтобы Гульназ высказывала суицидальные намерения; никаких странностей в ее поведении они также не замечали. При этом один из ее коллег и родители участкового на следствии вспоминали, что женщина спрашивала, сколько нужно выпить уксуса, чтобы умереть, и будет ли такая смерть мучительной. Сам участковый Гакиль Бадертдинов на допросе утверждал, что жена часто угрожала самоубийством.

Гульназ Бадертдинова. Фото предоставлено родственниками

За три дня до гибели Гульназ посещала врачей с жалобами на плохой сон и тревогу. «Общался я с ней около часа, за это время она около пяти раз повторила фразу "я хочу вернуться к мужу" и "у меня двое детей, их надо учить"», — рассказал следователю врач общей практики Шенталинской центральной районной больницы Евгений Колоточник.

18 октября в 10:15 Гульназ ушла с работы, сказав, что поедет в суд. Однако в суде она так и не появилась. Около полудня родители участкового нашли Гульназ мертвой в колодце у дома, в котором супруги прожили 16 лет. Согласно судебно-медицинской экспертизе, причиной смерти стала механическая асфиксия — Гульназ захлебнулась водой. Кроме того, патологоанатомы зафиксировали у нее ожог пищевода и острое отравление уксусной кислотой.

Показания родителей участкового расходятся в деталях, касающихся того, кто из них нашел записку и как именно они обнаружили тело Гульназ. Родственники погибшей до сих пор допускают, что она была убита. При этом экспертиза установила, что почерк на предсмертной записке действительно принадлежит Гульназ Бадертдиновой.

На похороны жены участковый не пришел. По словам брата погибшей, Гакиль пытается наладить отношения с дочерьми. «Но они видеть его не хотят. Все подарки, что он и его родители дарили, не приняли», — говорит брат Гульназ. При этом домой к родителям жены, где сейчас живут дети, полицейский приходить опасается.

«Звонить в полицию или не звонить в полицию»

Юристка Консорциума женских неправительственных объединений, адвокат Мари Давтян советует родственникам и друзьям женщин, отказывающихся от помощи в ситуации домашнего насилия, самим обращаться в кризисный центр.

«Потерпевшие действительно нередко просят не вмешиваться в ситуацию, потому что они опасаются более сильной агрессии. Я всегда советую родственникам — сначала позвоните в кризисный центр в том городе, в котором [находится] потерпевшая, обсудите со специалистами ситуацию, там они подберут план безопасности исходя из конкретной истории и конкретного случая, в том числе порекомендуют вам что-то делать или не делать. Потому что, пока у нас нет какой-то системной работы [правоохранительных] органов по борьбе с домашним насилием, нет понятного и простого механизма», — говорит адвокат.

Видео на YouTube

https://www.youtube.com/watch?v=zfPa65p2eEY

При этом, отмечает Давтян, обращение в полицию действительно может навредить. «Участковый приехал один раз и уехал. И все — от участкового больше никакой помощи. Потерпевшая может знать, что эта ситуация становится еще более угрожающей. Поэтому я даже не могу сказать — звонить в полицию или не звонить в полицию. Иногда это может быть опасно, а иногда это нужно», — заключает адвокат.

«Самый главный ресурс женщины, которая находится в насильственных отношениях — это друзья

и родственники, это знакомые, это коллеги. Абьюзер всегда старается минимизировать контакты женщины с окружающими людьми», — считает руководительница кризисного центра для женщин «Инго» Елена Болюбах.

Родственникам и знакомым она предлагает в первую очередь говорить с жертвой домашнего насилия — либо, если та отказывается обсуждать свою проблему, передать ей информацию о кризисных центрах.

«Женщины нам часто говорят, что "никому нет дела, что у меня происходит". Очень важным является и поддержка, и включение. Лучше вмешаться, чем не вмешиваться. Лучше сказать женщине, что вы на ее стороне», — объясняет руководительница кризисного центра.

По ее мнению, обращение в полицию необходимо: «Это попытка дать какой-то отпор. Необязательно женщина должна куда-то убегать из своего привычного пространства. Отстаивать свою безопасность она имеет право и может. И в этом плане вызовы полицейских — вполне рабочая вещь. Вопрос в знании определенных своих прав, своих возможностей».

Болюбах добавляет, что образцы заявлений о различных формах домашнего насилия можно найти в интернете, а за юридической помощью — обратиться в Консорциум женских неправительственных объединений. «Можно говорить об абсолютном несовершенстве законодательной системы, но при этом для шагов

и каких-то действий даже нынешней системы достаточно», — уверена она.

Редактор: Дмитрий Ткачев